ВИДение

У Александра Любимова — правильная судьба. Уже больше 10 лет он остается одним из самых популярных телеведущих. Занимаясь политикой на Первом канале, который только ленивый не обвиняет в ангажированности, он умудрился сохранить безупречную человеческую и профессиональную репутацию. Компания «ВИД», которой руководит Любимов, производит рейтинговые телепроекты. Похоже, что Любимов один сохранил счастливый билет, который судьба много лет назад дала каждому «взглядовцу». Листьева убили, Политковский измельчал, Мукусев оскандалился, Демидов превратился в командира обоза № 6. Шеф-редактор TV-Текста **Наталия Осипова** беседует с председателем совета директоров телекомпании «ВИД» Александром Любимовым о его работе в эфире ОРТ, перспективах развития «ВИДа» и ситуации на отечественном телевидении.

Веч. Москва. — 1999 — 25 нояб. — с. 11

ТТ: Вы периодически попадаете в рейтинг наиболее влиятельных телеперсон, оказываясь в пятерке рядом с Березовским и Гусинским. Вам это льстит?

А.Л.: Мне безразлично то, что связано со славой. Слава, добытая путем телевидения — вообще искусственная вещь. Влияние телевидения, как и во всех сферах экономики — феодальное, а не демократическое. А поскольку ТВ, которое делаем мы, довольно демократичный бизнес, то шансов быть влиятельными у нас пока нет. Должен поменяться президент, он должен быть человеком моего поколения, который иначе понимает систему госустройства. Так что влияние мое преувеличено. Хотя вам виднее.

ТТ: Как вы объясняете феноменальную влиятельность телеаналитиков, чей авторитет иногда выше, чем политиков?

А.Л.: У нас нет политики и нет политической аналитики. Политика, которую обслуживают эти аналитики — вещь виртуальная. Вот, например, появление политиков в новостях: в 90% случаев непонятно почему их показывают. Допустим, в агентстве «Интерфакс» проводит пресс-конференцию — назову безобидную фигуру, чтобы не сказали, что я враг Гусинского, Березовского, Лужкова — Геннадий Зюганов. (В данном случае Зюганов — только пример, потому что эти политики — пассажиры одного поезда.) Смысл действа в моем понимании — реклама Зюганова и реклама агентства.

Я понимаю, если бы человек пришел и сказал: я сделал то-то. И мы, как демократическая пресса, ему сказали бы: вы обещали то-то и не сделали. А он: виноват, хорошо, что вы мне напомнили. Ценно не его признание, ценно, что идет работа над ошибками. Тогда политика является не только градусником на теле общества, а рычагом его развития. А у нас политика — градусник: то, что они сказали в течение дня, дает некую виртуальную температуру тела.

А на телевидении бюджеты небольшие, и вообще людям свойственно находить оптимальные решения: если для измерения температуры можно не ездить дальше «Интерфакса», то и хорошо. Снял пресс-конференцию — 3 минуты в эфире заполнил. Себестоимость такого сюжета минимальная: день работы водителя плюс бензин — не больше 200 долл. вместе с арендой камеры. А то, что на Чукотке температура в квартирах +8, так туда съездить тысяч в пять обойдется. И главное, зачем, если все равно ничего не изменится? Даже славы не будет. Слава — только рядом с политработниками.

Я говорю об этом так цинично, потому что это тенденция. Только власть может построить демократию. Если она не хочет, никакой демократии не будет. Власть должна отзванивать журналистам, когда они просят об интервью, должна интересоваться мнением людей. Пока у нас другая страна. Мы пока коммунистическо-олигархическое царство.

ТТ: Раньше можно было посмотреть любой канал, чтобы узнать новости, теперь кажется, что в новостях ОРТ и НТВ речь идет о разных странах...

А.Л.: Я давно это видел. Другие не замечали или делали вид. Могу на уровне фактов доказать, как манипулируют информацией. Желание манипулировать возникает не потому, что есть олигархи, а потому что лень или хочется отомстить кому-нибудь. Что-то не понравилось ведущему, и он отомстил — региону или стране в целом. Немножко отомстил и спокойно лег спать.

Нынешняя ситуация — просто продолжение. Можно делать предупреждения Доренко, но я бы начал с Киселева. Он первый занялся манипуляциями. Но важнее не проблема манипуляций, а этика: как общество позволяет себя информировать, в каких словах и выражениях. Когда Леонтьев говорит в эфир «козлы, суки» — меня, конечно, коробит, и я не хотел бы находиться в таком соседстве, если бы имел право выбора. Но начинать надо с другой стороны. «Коммерсантъ» пишет в закамуфлированной форме, что я убил Владика Листьева, а потом его главный редактор (*речь идет о Рафе Шакирове, бывшем редакторе «Ъ»* — **ТТ**) не отвечает на четыре моих письма ему лично — почему ко мне такое отношение, что мне даже письменно не отвечают, не говоря уже о телефонных звонках. Почему такое вообще позволяется? Я что, действительно убил Листьева? А люди, которые себе такое позволяют, продолжают существовать в профессии.

У меня вообще ощущение, что пора заниматься другим бизнесом. Я в последнее время очень серьезно об этом думаю.

ТТ: Вопрос по поводу профессиональной этики относится и к вам тоже. Когда вы руководили информвещанием ОРТ, вы разве не занимались манипуляциями?

А.Л.: Не бывает абсолютной свободы выбора. Тем более у руководителя. Это в последнюю очередь связано с тем, что принято считать системой влияния Березовского на 1 канале. Общество должно защищаться от желания любого человека информировать его так, как он желает. Главное давление, которое испытываешь сейчас — это давление рынка.

Когда делаешь новости — ты очень зависим. Новости — это жесткий, хороший менеджмент, а с точки зрения телевизионного таланта и достижения успеха — самая простая работа. Сложность здесь — в ситуации, в которой ты эти новости делаешь. Нельзя делать новости, которые тотально отличаются от программ другого канала. Если ТВ

ставит зрителя в ситуацию, когда он должен выбирать — какие новости более новости — это приведет к массовой шизофренизации общества или к тому, что популярность одного канала начнет стремительно падать. Зритель выберет — на что ориентироваться как на новости.

ТТ: Как вы относитесь к своей работе в эфире «Времени», где объединены новости, «Однако», «Здесь и сейчас»?

А.Л.: Я связан обязательствами с ОРТ и считаю их очень серьезными. В этом смысле мое лицо мне не принадлежит. Когда что-то для меня неприемлемо, я могу влиять, но таких ситуаций канал не создает. У него есть определенная культура переговоров, мы все знаем друг друга много лет. Ясно, что мне не предложат вести передачу «Про это». Что касается информационного вечера ОРТ... Понимаете, договориться не удалось, договориться, что новости — это новости. И первыми начали это все не Доренко и ОРТ, началось давно, на одном популярном в Москве канале.

ТТ: Вы имеете в виду НТВ?

А.Л.: Я не хочу упоминать названия. Я говорю о вещах, которые важны, и не хотел бы, чтобы это воспринималось как мое участие в конкурентной борьбе. Долго с этим каналом пытались договориться все остальные. Но они не готовы договариваться, а хотят быть главными. Мы поняли, что надо выигрывать, с января ОРТ — лидер в информвещании. Я этим занимался, защищая интересы зрителя, потому что есть зоны манипуляций на ОРТ, а на другом канале — там все одна зона: не поймешь, где манипуляции, где новости.

ТТ: Но информационный вечер ОРТ — одна большая политинформация, где все средства хороши — от ваших проникновенных интонаций до леонтьевского сарказма...

А.Л.: Я не участвую в промывке мозгов, я участвую в конкуренции. К Леонтьеву у меня такое же отношение, как у вас. Я его высказываю людям, которые принимают решения. Регулярно, как маньяк. Но отвечаю я за то, что делаю я.

ТТ: Но обыватель воспринимает вас частью пропагандистской машины. Не боитесь ли вы, что ваша журналистская и человеческая репутация пострадает?

А.Л: Я бы предпочел отдельную программу даже в худшее эфирное время. Но всегда есть степень компромисса. Это не семейная жизнь — это работа. Что касается моего авторитета — нет ощущения, что люди не воспринимают меня, они, скорее, понимают мои проблемы.

> **Общение людей — обмен энергией. Телевидение — обмен информацией об энергии**

ТТ: Политические проекты вроде «Здесь и сейчас» интересны вам как журналисту или это обычная рутинная работа?

А.Л.: Я очень люблю телевидение, мне там все интересно. Поскольку ТВ — это человек крупным планом. Ты видишь разных людей, у тебя есть возможность задавать вопросы, которые хочешь. Интервью в студии — это обнажающая человека ситуация, колоссальный человеческий опыт, концентрированная форма общения.

Как телепродюсеру мне всегда интересно делать вещи, которые до сих пор не приносили успеха. Сейчас мы вошли в самую интересную стадию: телевидение, которое не эксплуатирует уже сделанного героя, а приглашает человека, который на 40 минут становится героем. Колоссальный прорыв был достигнут в

> **У меня ощущение, что пора заниматься другим бизнесом, например, сельским хозяйством. Там олигархии пока нет**

«Ищу тебя», сейчас будет «Другая жизнь». В этом смысле участие в политдебатах мне как продюсеру не интересно. Но я знаю, как это делается. И, мне кажется, делаю это неплохо как ведущий.

ТТ: Мне почему-то кажется, что вам давно скучно в эфире.

А.Л: Скучно не бывает. Один из секретов профессии — ведущий не должен быть разгадан до конца. Надо успеть почувствовать гостя, «зацепить» его за 20 секунд, пока задаешь первый вопрос. Не хочу, чтобы меня обвинили в оккультизме, но если принимать, что общение людей — обмен энергией, то телевидение — это обмен информацией об энергии, искусство обмена энергией.

ТТ: Как вы расцениваете попытки телеведущих заняться политикой?

А.Л.: Если вы имеете в виду Буратаеву, то плохо. Она хорошая ведущая и символизирует собой евразийский образ нашего телевидения. Это большая потеря для ТВ и небольшое приобретение для политики.

ТТ: Наш корреспондент присутствовал на съемках программы «Другая жизнь» и утверждает, что Чулпан Хаматова в роли ведущей была не на высоте. Как вы относитесь к актерам в качестве ведущих?

А.Л.: Безразлично отношусь к происхождению ведущих, потому что ведущий — это не профессия. Ведущий — дар, который можно развивать. Главное — способность сопереживать и любопытствовать. Телеведущий — представитель народа, он проявляет его волю, когда задает вопрос. Если реализация этой воли зрителя не устраивает, он начинает в ведущем разочаровываться.

ТТ: Не кажется ли вам, что «ВИД» переживает застой?

А.Л.: Компания делает в год несколько проектов. Я меряю ее успехи качеством процесса. Например, программу «Взгляд» никто до сих пор сделать не может.

ТТ: Может, никто не пытается?

А.Л.: Пусть будет так — никто не пытается. Но мы точнее видим реальные процессы в обществе, чем наши коллеги. Этим я тоже меряю свое ощущение успеха.

ТТ: Вы не считаете, что программа «Взгляд» изжила себя?

А.Л.: Никогда нельзя изжить то, что является реальной жизнью людей. От «Взгляда» 80-х осталось впечатление, что мы боролись с коммунистами, а мы 70 % времени посвящали жизни страны и людей, что всегда остается главным на ТВ. Судя по рейтингам, зритель это ценит. Остальное движется в никуда. В конце концов останется три человека, которых будут показывать по ТВ. Или один.

ТТ: ...?

А.Л: Меня могут не показывать, от этого ничего в моей жизни не изменится. Больше буду ходить в театр, заниматься детьми, семьей, читать. Может, книги начну писать какие-то.

ТТ: Тот «Взгляд» был демократичной программой. Хорошие люди задавали вопросы другим хорошим, остальные такие же хорошие смотрели телевизор. Сейчас вы большой начальник в хорошем костюме. Между вами и зрителями появилась дистанция.

А.Л.: Я этого не чувствую, я чувствую себя комфортно, общаясь с людьми. Дистанция бывает разная: может, у нас разный жизненный опыт, да и с возрастом ведешь себя осторожнее. Если в 25 лет на какие-то идеи я реагировал в эфире с восторгом, то теперь, зная, во что превратились персонажи того времени — Попцов, Полторанин, да и Ельцин — веду себя иначе. Конечно, «Взгляд» — очень анархистская, революционная программа, такой она остается. «Взгляд» проворачивает что-то в обществе. Олег Фомин, председатель колхоза в Рязанской области, который с помощью БТРа охраняет поля, прославился благодаря программе. Мы раскопали историю о городе без наркотиков — Екатеринбурге, где люди, которых легче всего называть бандитами, стали бороться с наркоманией. Это говорит об обществе в 1000 раз больше, чем год работы новостей на всех каналах.

Требования аудитории стали более высокими. Сегодняшние 15-летние такому «Взгляду» не поверят, потому что они мыли автомобили на перекрестках и знают, что почем. И это хорошо. Любой человек понимает, что телевидение не является его другом. А тогда «Взгляд» был другом, что меня всегда пугало. За 10 лет мы приобрели иммунитет против тотальной глупости и наивности.

ТТ: Вы сказали, что занялись бы другим бизнесом. Каким?

А.Л.: Не скажу пока. Все определяют мозги и люди. Уйду туда, где больше свободного места — в сельское хозяйство, может быть. Там олигархии пока нет.

ТТ: Не кажется ли Вам, что администрирование убивает творческого человека, ведь он видит такое, что трудно «переварить», и потом невозможно создать нечто талантливое?

А.Л.: Грязного бизнеса не бывает — бывают грязные люди, которые грязным делают любой бизнес, которым занимаются.